
Городские конфликты в России: между «правом на город» и NIMBY (на примере Иркутска и Новосибирска)

А.Б. БЕЛОУСОВ*, Д.А. ДАВЫДОВ**

***Александр Борисович Белоусов** – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия, ektb@ua.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0082-909X>

****Дмитрий Александрович Давыдов** – кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия, davydovdmiriy90@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>

Цитирование: Белоусов А.Б., Давыдов Д.А. (2024) Городские конфликты в России: между «правом на город» и NIMBY (на примере Иркутска и Новосибирска) // Мир России. Т. 33. № 3. С. 99–117. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-99-117

Аннотация

Статья посвящена изучению феномена NIMBY (“not in my backyard”) в городских (градостроительных) конфликтах на примере Новосибирска и Иркутска. В центре внимания – сопротивление местных жителей строительству или иным изменениям инфраструктуры на территориях, прилегающих к их домам. В западной науке нимбизм обычно оценивается как негативное явление, препятствующее развитию территорий или влекущее за собой различные негативные социальные последствия – препятствие строительству недорогого жилья, дорог, различных объектов социальной инфраструктуры, объектов «зеленой» энергетики и т. п. Российскими учеными феномен NIMBY практически не исследован. Преобладает подход, рассматривающий городских активистов как противостоящих более сильным коалициям городских властей и девелоперов. При таком подходе интересы местных жителей представляются систематически ущемляемыми или вовсе игнорируемыми при городском планировании. Вместе с тем на материалах экспертного интервью (N=40) и качественного и количественного анализа (ивент-анализа) источников СМИ, реконструирующих историю городских конфликтов в изучаемых городах за последние 18 лет, было продемонстрировано, что сегодня гражданские активисты уже не всегда являются «слабым звеном». Их сторону могут занимать как представители

Статья подготовлена в рамках работы по проекту РНФ No. 23-28-01828 «Городские конфликты и стратегии поддержания общественного согласия: сравнительный анализ».

Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

Статья поступила в редакцию в ноябре 2023 г.

городских администраций, так и другие влиятельные агенты – губернаторы, прокуратура, Следственный комитет, Администрация Президента и другие. В таких условиях небольшие группы активистов могут останавливать не только коммерческую застройку, но и важные с социальной точки зрения некоммерческие проекты развития тех или иных территорий. В статье делается вывод о необходимости учета интересов широкого круга заинтересованных сторон, поскольку при попытке разрешения конфликтов нимбизм сильно осложняет достижение компромисса.

Ключевые слова: городские конфликты, градостроительные конфликты, NIMBY, право на город, протесты, гражданское общество, городские сообщества

Введение

Городские конфликты уже относительно давно стали одной из актуальных тем в российской социологии города. Стремительные изменения градостроительной политики в постсоветский период (переход от плана к рынку) породили массу противоречий. Городское пространство стало рассматриваться местными властями и бизнес-элитами как поле экономических возможностей. Коммерческие интересы при этом все чаще сталкивались с интересами горожан. Эти столкновения подчас выливались в массовые митинги и громкие конфликты, становились федеральной медийной повесткой (например, борьба за Химкинский лес в 2011–2012 гг., протесты против строительства мусорного полигона на станции Шиес в 2018–2020 гг., протесты против строительства православного храма в сквере у драматического театра в Екатеринбурге в 2019 г.).

Массовые протесты возмущенных граждан можно рассматривать как прямую угрозу общественному согласию, и именно по этой причине исследователи ведут поиск инструментов медиации конфликтных ситуаций. Последние обычно осознаются в парадигме марксистского концепта борьбы граждан за «право на город» [Lefebvre 1991; Харви 2008; Антонова и др. 2020], при этом следует отметить, что у представителей городских администраций и бизнес-элит имеются ресурсные преимущества в спорах с местными жителями. Когда официальные механизмы согласования интересов (такие как публичные слушания) перестают работать, граждане выплескивают свое недовольство на несанкционированных протестных акциях. В целом можно сказать, что в отечественной социальной науке пока преобладает бинарный подход, согласно которому существуют две основные стороны конфликта – с одной стороны, заинтересованные в коммерческих проектах/привлечении инвестиций коалиции городских властей и бизнес-элит [Бедерсон, Шевцова 2020], представляющие собой «неолиберальные машины роста» [Тыканова, Хохлова 2015], с другой, простые «обороняющиеся» граждане [Скалабан и др. 2022], которые на сегодняшний день лишены весомых инструментов влияния на градостроительную политику (среди имеющихся инструментов – обращения граждан в городскую администрацию, письма в прокуратуру и другие надзорные органы, а также публичные слушания, носящие рекомендательный характер).

Российские исследователи сравнивают отечественный опыт с опытом развитых западных стран, где граждане непосредственно участвуют в градостроительном процессе (коллаборативное или соучастующее планирование [Медведев 2017; Шохина 2021])¹. Ими отмечается недостаточный уровень развития «формальных» гражданских инфраструктур в российских городах [Желнина, Тыканова 2019], а также инструментов планирования [Семенов, Гилева 2022]. Считается, что именно городские власти в лице исполнительных или законодательных органов являются главными оппонентами граждан [Глухова и др. 2017]. Соответственно, среди наиболее частых рекомендаций по недопущению всплесков массового недовольства градостроительной политикой предлагается максимальное вовлечение местных жителей в процесс принятия решений. Также отмечается, что сегодня в России ни представительные органы власти региональных центров, ни их общественные палаты, ни общественные советы при органах власти по разным причинам в полной мере не выполняют функций переговорных площадок, позволяющих внедрить механизмы коллаборативного планирования [Глухова и др. 2021].

Тем не менее есть основания считать, что бинарный подход часто не соответствует действительности. Представители городских администраций отнюдь не всегда выступают на стороне экономических элит [Семенов, Минаева 2021]: некоторые жители выигрывают от проектов освоения городских территорий (например, обменивают свои старые и неблагоустроенные дома на новые квартиры [Тимошкин 2022]). Такие концепты, как «право на город», «городские сообщества» (*urban commons*) [Делленбо и др. 2020] или коллаборативное планирование, не отражают всего пула проблем, связанных с согласованием интересов всех участвующих в градостроительной политике сторон: например, часто противоречит действительности взгляд на городских активистов как исключительно «обороняющихся», условно говоря, – жертв. Так, многие исследователи пишут о феномене нимбизма (NIMBYism – “not in my backyard” – «лишь бы не на моем заднем дворе»).

О нимбизме говорят, когда сталкиваются с гражданской активностью, расходящейся с широкими общественными интересами. И.Р. Медведев, ссылаясь на Гарвардскую энциклопедию, определяет NIMBY следующим образом: «Это местный конфликт, где жители полагают, что принятое решение о строительстве объекта или ином использовании территории, на (рядом с) которой они проживают, негативно на них скажется. Они считают такое изменение пространства потенциально опасным, вредным, позорным или нежелательным по любым причинам (психиатрические больницы, тюрьмы, кладбища и пр.)» [Медведев 2017, с. 6]. Здесь же И.Р. Медведев отмечает, что «в урбанистике и СМИ популярно употребление NIMBY с негативным окрасом. С ненадлежащих сооружений фокус смещается на человека (“синдром НИМБИ”, “НИМБисты”). Жителя представляют как неадекватного, эмоционально и безосновательно возражающего против всего вообще» [Медведев 2017, с. 6]. Конечно, стоит согласиться с тем, что навешивание ярлыков на проблемы NIMBY

¹ Хотя и в России исследователи наблюдают постепенное внедрение практик соучастующего планирования, но связаны они, по их мнению, исключительно благоустройством (например, при реализации национального проекта «Формирование комфортной городской среды»: по словам одного из экспертов, «власть абсолютно не заинтересована в том, чтобы соучастие от стрижки газонов переходило к вопросам более существенным» [Верещагина 2021, с. 12].

не способствует снятию противоречий. Однако важен сам факт фиксации сложности конфликтов, связанных с феноменом NIMBY, и в этом случае требуется взвешивать все «за» и «против».

Во многих американских городах (например, в Сан-Франциско) нимбизм способствует росту цен на недвижимость и аренду, что вредит широким массам населения: местные активисты блокируют проекты многоэтажной жилой застройки, расширяют «зеленые» пространства и всячески препятствуют строительству [Shellenberger 2021]. Нимбизм возникает в ответ на широкий спектр потенциальных проектов, включая энергетические установки [Stokes 2016], транзитные дороги², центры лечения опиоидной наркозависимости [De Benedictis-Kessner, Hankinson 2019], приюты для бездомных³. Большой проблемой нимбизм стал и для различных экологических политических программ: в частности, граждане часто сопротивляются строительству ветряных электростанций, поскольку медианный ветровой проект приводит к снижению стоимости жилой недвижимости на 4–5%, если находится на расстоянии около 2 км⁴. Исследования жилищного строительства показали, что ограничения местного планирования стали причиной хронического недоинвестирования, которое тормозит экономику [Glaeser, Gyourko 2018; Hsieh, Moretti 2019]. Учитывая эти и другие факты, западные исследователи указывают на проблемы, связанные с разрешением конфликтов, в которых активисты придерживаются принципа NIMBY. Например, Д. Фостер и Дж. Уоррен из Калифорнийского университета в Беркли писали, что местные регулирующие органы фактически требуют от застройщиков расходовать ресурсы, которые могли бы быть использованы для выплаты компенсаций местным жителям. Используя формальную модель, исследователи продемонстрировали, что, когда застройщики все же предоставляют жителям компенсацию, местная поддержка развития увеличивается [Foster, Warren 2021]. Иными словами, слишком высокие формальные требования к застройщикам (как со стороны администрации, так и со стороны некоторой части активистов) фактически мешают переговорам между застройщиками и местными жителями.

Вполне возможно, что и в российских условиях бинарный подход не является универсальным. Если это так, то рекомендации по разрешению конфликтов, подразумевающие усиление влияния представителей гражданского общества, могут способствовать формулированию лучших публичных решений далеко не во всех случаях. В конце концов, удовлетворение запросов наиболее активного меньшинства может противоречить интересам «молчаливого» большинства и провоцировать другие конфликты в будущем. В данном исследовании мы оцениваем масштабы и влияние нимбизма в городских конфликтах на примере Новосибирска и Иркутска.

² Elkind E. (2017) Opinion: Metro Is Spending Billions of Your Tax Dollars to Build L.A. a World Class Transit System. Don't Let Them Blow It // Los Angeles Times, March 17, 2017 // <https://www.latimes.com/opinion/livable-city/la-ol-metro-elkind-measure-m-transit-waste-20170317-story.html>, дата обращения 25.11.2023.

³ Holder S. (2019) How to Build NIMBY-proof Homeless Shelters? Make Them Mandatory // Bloomberg, April 17, 2019 // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-04-16/should-s-f-build-new-homeless-shelters-citywide>, дата обращения 25.11.2023.

⁴ Jarvis S. (2022) The Economic Costs of NIMBYism: Evidence from Renewable Energy Projects // Reprint // https://stephenjarvis.github.io/files/jarvis_jmp_nimbyism_renewable_energy.pdf, дата обращения 25.11.2023.

Методы

Городские конфликты можно определить как «последовательные публичные взаимодействия между активистами, городскими властями, застройщиками и другими заинтересованными сторонами, цель которых – оспаривание изменений физических или символических аспектов городского пространства» [Семенов, Минаева 2021, с. 193]. В данной статье категория «городской конфликт», по сути, синонимична категории «градостроительный конфликт»⁵. Подавляющее большинство конфликтов, связанных с локальной тематикой (и разрешение которых находится в ведении местных властей), являются именно градостроительными из-за точечной застройки, строительства в скверах и парках, вырубки лесов, реновации, вредных производств, прокладки дорог и других изменений в межевании и планировании городского пространства.

В центре нашего внимания – NIMBY. В каком-то смысле любой городской конфликт так или иначе связан с нимбизмом: «обороняющиеся» сообщества в любом случае противостоят градостроительным проектам постольку, поскольку застройщики вторгаются на их, условно говоря, «задний двор»⁶. Однако мы бы хотели заострить внимание на тех конфликтах, в рамках которых потенциальные общественные выгоды от того или иного проекта территориального развития перевешивают потенциальный ущерб, наносимый местным жителям. Иными словами, есть большая разница между противодействием точечной застройке (столкновение сопоставимых частных интересов – жителей и застройщиков) и протестом небольшой группы активистов против строительства больницы, в которой заинтересованы тысячи людей. Таким образом, феномен нимбизма мы будем определять по тому факту, имеет ли место противодействие местных жителей градостроительным проектам: 1) имеющим некоммерческие цели; 2) обладающим общественной (социальной) значимостью. К подобного рода конфликтам мы можем отнести противодействие строительству объектов социальной инфраструктуры (например, образовательных и медицинских учреждений), мостов, дорог, объектов ЖКХ. Выделим также отдельную подкатеорию NIMBY-конфликтов, связанную с конфликтами между разными группами местных жителей (например, из-за проездов между домами, стоянок и прочее).

Географическая выборка исследования включает Новосибирск и Иркутск. Первый, в отличие от многих крупных городов России, не имеет ярко выраженной экономической специализации, и в нем представлены конфликты, обусловленные проектами самой разной тематики. Это позволяет рассматривать Новосибирск как модельный город для изучения состояния и перспектив развития городских конфликтов [Скалабан и др. 2022, с. 40]. Мы также решили включить в выборку Иркутск в качестве города меньшего размера и для дополнительного контроля выявляемых феноменов и тенденций.

⁵ Хотя в других исследовательских сценариях категория «городской конфликт» может быть несколько шире, распространяясь на другие локальные проблемы (ЖКХ, транспорт и т. д.).

⁶ Заметим, что анализируемые конфликты далеко не всегда затрагивают пространства и объекты непосредственно проживаемого (в терминах А. Лефевра) пространства – буквально «заднего двора». Часто в них вовлекаются горожане, которые проживают вдали от локальностей, непосредственно связанных с конфликтом. Тем не менее в большинстве NIMBY-кейсов ядром протеста являются жители тех мест, куда, по их мнению, «вторгаются».

Временной охват исследования достаточно широк – с 2005 по 2022 г. Он позволяет оценить масштабы (распространенность) феномена NIMBY в рамках городских конфликтов. Одна из поставленных задач настоящей статьи заключается в анализе этого феномена в динамике: становятся ли со временем люди менее терпимыми к различным проектам развития территорий, имеющих общественную значимость.

Следует выделить три основных метода исследования.

1. *Событийный анализ (ивент-анализ)*. Он представляет собой разновидность контент-анализа, в рамках которого единицей анализа является событие (обычно на основании заранее составленных каталогов – на базе отчетов органов государственной статистики или полиции, сообщений в прессе, реже – дневников наблюдения и других источников личного происхождения) [Семенов 2018, с. 320]. Этот количественный метод позволяет выяснить, насколько распространен феномен NIMBY при оспаривании развития городских территорий.

Основной единицей анализа в настоящем исследовании выступает конфликтный кейс (как в большинстве случаев несколько событий, объединенных одним «случаем»). Под ним подразумевается конкретная конфликтная ситуация, основные акторы конфликта, базовые события, связанные с конфликтом, ход и исход конфликта.

В качестве информационных источников использовались материалы наиболее популярных онлайн-изданий: для Новосибирска были выбраны городской портал НГС⁷, «Аргументы и факты»⁸, «Московский комсомолец»⁹; для Иркутска – ИРК.ру¹⁰, «Аргументы и факты»¹¹, «Московский комсомолец»¹². С помощью встроенных поисковых систем отбирались новостные/аналитические сюжеты по ключевым словам «протест», «застройка», комбинация которых позволила найти максимальное количество материалов по основным конфликтам, связанным с оспариванием городского пространства.

Далее новостные материалы отбирались вручную; создавалась картотека конфликтов, куда записывались данные по каждому конфликтному кейсу – временной отрезок, когда имела место конфликтная ситуация; ключевые акторы и их интересы; основные события, связанные с конфликтом; итоги конфликта. Кейсы, в рамках которых действия гражданских активистов соответствовали нашему критерию NIMBY, относились в отдельную категорию (далее – NIMBY-конфликты). Так, были проанализированы около 250 конфликтных кейсов (примерно 200 – в Новосибирске, 50 – в Иркутске). При этом следует указать, что эта цифра приближительна, так как некоторые кейсы длились несколько лет, меняли свой тематический «репертуар» и могли классифицироваться как новые кейсы. Мы подсчитывали для каждого года количество актуальных (действующих) конфликтных кейсов.

2. *Качественный анализ материалов СМИ*. Изучение новостных и аналитических материалов позволило детализировать информацию о конфликтах, мотивах активистов и специфике конфликтных ситуаций (был ли спровоцирован тот

⁷ <https://ngs.ru>

⁸ <https://nsk.aif.ru/>

⁹ <https://www.mk.ru/>

¹⁰ <https://www.irk.ru>

¹¹ <https://irk.aif.ru/society/edu/75466>

¹² <https://www.mk.ru/auto/article/2009/01/10/5001-zabuksovali.html>

или иной конфликт коммерческой застройкой или проектами развития социальной инфраструктуры?). Получен большой массив экспертных и журналистских точек зрения, интервью с экспертами, проведенных журналистами, и другой информации, благодаря которой мы попытались воспроизвести целостную картину динамики городских «пространственных» конфликтов в Новосибирске и Иркутске. Всего проанализировано более 1500 новостных/аналитических материалов СМИ.

3. *Серия полуструктурированных глубинных интервью с представителями местного академического сообщества, аналитиками, журналистами, активистами и представителями городских администраций.* Были опрошены 40 чел. относительно в равных пропорциях среди указанных групп, по 20 чел. в каждом из городов. Интервью проводились в марте–апреле 2023 г.; среднее время интервью – 1,5 часа. Вопросы гайда менялись в зависимости от того, с какой группой информантов велась беседа. Всех респондентов спрашивали об особенностях, динамике и перспективах городских конфликтов. Однако вопросы к представителям экспертного (аналитики и академические ученые) и журналистского сообществ больше фокусировались на выявлении их видения общей динамики городских конфликтов; вопросы к активистам и представителям городской администрации были сосредоточены на деталях отдельных наиболее известных конфликтных кейсов, а также на их личном отношении к тем или иным заинтересованным сторонам¹³. В совокупности данные методы позволили тщательно перепроверить полученные данные и соотнести авторские гипотезы с фактами.

Результаты

Прежде всего следует обратить внимание на то, что подход, согласно которому гражданских активистов и представителей городских администраций необходимо рассматривать как антагонистические стороны в городских конфликтах, в достаточно большом количестве случаев неверен. Данный подход преуменьшает влияние групп активистов и упрощает позицию городских властей, равно как и «трехсубъектная» модель городского конфликтования (застройщики – городская администрация – местные жители) обычно не соответствует действительности. В конфликтах, как правило, участвует множество разных субъектов, стоящих на самых разнообразных позициях. Например, со стороны властей непосредственными участниками конфликтов могут выступать не только представители городских или районных администраций, но и губернаторы (в некоторых случаях обращаются и к Президенту), депутаты городских собраний, представители общественных палат, судов различных инстанций, прокуратуры, надзорных органов (Роспотребнадзор, Ростехнадзор, Рослеснадзор), СМИ. Довольно часто одной из сторон становятся субъекты, в чьем ведении находятся федеральные земли: так было в новосибирском Академгородке, где многие конфликты сосредотачивались на землях, которыми распоряжается Сибирское отделение РАН. Такая многосубъектность подчас складывается в нечто похожее на систему сдержек и противовесов, когда действия местных коалиций застройщиков и представителей администраций

¹³ В целях анонимности мы не будем раскрывать личности информантов и ограничимся исключительно отношением их к той или иной группе опрашиваемых.

ограничиваются другими субъектами – региональной властью, судами, прокуратурой. Так, в Новосибирске в большинстве случаев прокуратура выступала на стороне активистов, а суды, в частности Арбитражный суд Новосибирской области, – на стороне застройщиков.

«Прокуратура давит по градостроительным вопросам, иногда принимает незаконные решения. Главное, чтобы не было напряженности. Прокуратура встает на сторону жителей. Ужасает давление прокуратуры на мэрию. Например, мэрия принимает решение о сносе деревьев. Прокуратура: “Отменяйте решение”. Из-за давления прокуратуры застройщики чувствуют себя неудобно» (депутат Совета депутатов, Новосибирск).

Также необходимо подчеркнуть, что концепт «неолиберальных машин роста» (см. выше) плохо подходит для описания городских конфликтов в Новосибирске после того, как представитель КПРФ А.Е. Локоть сменил на посту мэра В.Ф. Городецкого в апреле 2014 г. Если до этого городской политический режим действительно был направлен на максимизацию инвестиций застройщиков, то с приходом А.Е. Локтя в большинстве городских конфликтов мэрия выступала на стороне активистов: многие проекты было трудно отменить, так как права собственности на землю были оформлены еще при В.Ф. Городецком; помимо этого, в нормативно-правовой базе градостроительной политики нашлись многочисленные «пробелы», которыми пользовались застройщики, оспаривая решения мэрии в судах. Сама нормативно-правовая база градостроительной политики активно совершенствовалась при А.Е. Локте в сторону увеличения различного рода ограничений для застройщиков¹⁴, была также проведена инвентаризация парков и скверов, появилась цельная концепция их развития. Нечто похожее отмечено и в Иркутске – городе, где влияние строительного лобби (по наблюдениям опрошенных нами экспертов) сильнее, чем в Новосибирске. Там также расширялись нормативные ограничения для застройщиков, причем по инициативе мэра из партии «Единая Россия» Д.И. Бердникова. Например, в 2016 г. были утверждены новые правила землепользования и застройки в историческом центре, ограничившие высоту новых домов до 20 метров. Данные правила сделали точечную застройку невозможной в большинстве мест: например, жилой девятиэтажный дом можно теперь построить на земельном участке не менее 0,78 га¹⁵.

«Это был первый год, когда мэром был Дмитрий Бердников, который в тот момент и в последующий был оппонентом строительному бизнесу. <...> В этом ничего удивительного не было, так как точечная застройка в Иркутске – это была бедой, потому что все время вызвала различные недовольства жителей, когда во

¹⁴ Гурьянова Е. (2015) Ударили в точку // НГС. 26 ноября 2015 // <https://ngs.ru/text/realty/2015/11/26/2315793/>; Морсина М. (2016) Крепко расстроили // НГС. 5 октября 2016 // <https://ngs.ru/text/gorod/2016/10/05/50085533/>, дата обращения 25.11.2023.

¹⁵ Депутаты утвердили запрет на строительство зданий выше 20 метров в историческом центре Иркутска (2016) // IRK.ru. 28 октября 2016 // <https://www.irk.ru/news/20161028/ban/>, дата обращения 25.11.2023.

дворе вдруг выростала многоэтажка или когда строились комплексы без парковок. <...> Я думаю, что он понимал опасность, так как видел, что [предыдущий мэр – прим. авторов] не переизбрался. Причина этого – в воле мэра, который решил навредить элементарный порядок» (эксперт, уполномоченный по бизнесу, Иркутск).

Соответственно, сегодня ситуация такова, что городские активисты становятся достаточно влиятельными, чтобы противостоять реализации тех или иных градостроительных проектов, причем не только коммерческих, но и преследующих широкие общественные цели. Некоторые эксперты отмечают, что действия городских администраций и застройщиков сковываются прокуратурой и Администрацией Президента, чей приоритет – максимальная тишина (отсутствие протестных акций).

«Люди пишут заявления, подключаются прокуратура, Бастрыкин. <...> Защищают свои интересы – “оборонительные стратегии”. Выглядит все это иногда странно: несколько активных людей могут сформировать спрос на странные идеи. <...> Регулярная социология показывает: доминирует запрос на решение проблем. В первой тройке проблем – дороги, здравоохранение, ЖКХ. А вот деревья, из-за которых протестуют [экологи – прим. авторов], не входят в топ. Это рассогласование с тем, за что люди вступают в конфликты. <...> Такова наша позиция: должна быть тишина, чем тише – тем лучше. Любой конфликт вызывает интерес правоохранительных органов. Это новая тенденция. На смену Навальному нишу критики занял прокурор. Прокуратура ведет себя как общественник и перехватывает медийную инициативу. В связи с этим появляется соблазн не решить проблему, а не допустить ее публичного проявления. Чтобы не подставляться под пресс федеральной власти, заносят все под ковер. Цена протеста сильно выросла: 20 человек вышли на протест против стройки в “Юном медике” [бывший пионерлагерь – прим. авторов] – прокуратура отреагировала. Скорость разворачивания конфликтов увеличилась благодаря соцсетям» (представитель городской администрации, Новосибирск).

Также среди опрошенных нами представителей администрации распространено представление о «профессиональности» протеста. Они утверждают, что им противостоят некие профессиональные протестные группы и профессиональные сутяжники. В данном случае под профессиональными протестующими имеются в виду не те, у кого имеются высокие компетенции в данном виде деятельности, а те, кто якобы занимается этим за деньги. Профессиональные протестные группы, по утверждениям представителей администрации, состоят на службе у застройщиков; профессиональные сутяжники также проявляют себя в конфликтах, но, если понимают бесперспективность протестов, отступают. Утверждения представителей администрации частично коррелируют с высказываниями других экспертов. Некоторые из них утверждают, что в Иркутске существует целая система «кормления и покупки» избирателей через разнообразные фонды, которые создаются строительными корпорациями. Однако прямые указания на финансирование протестных акций через такие системы отсутствуют. В ключевых кейсах, которые

упоминают эксперты, свидетельства работы такой системы «покупки» протеста не наблюдаются. В целом, сравнивая ситуацию с Новосибирском, где действительно развито профессиональное стимулирование конфликтов и их профессиональное умиротворение, можно сделать вывод, что утверждение о «профессиональности» протестующих со стороны представителей администрации в Иркутске носит идеологический характер.

Тем не менее профессионализацию протеста учитывать все же необходимо, но в то же время нужно посмотреть на нее под несколько иным углом. Многие активисты становятся профессиональными протестующими не для «заработка», отстаивая чьи-то корыстные интересы, а ввиду наличия соответствующих профессиональных компетенций (юридического образования, ученой степени и т. д.) и постоянного характера протестной деятельности: например, мы можем отметить присутствие устойчивой группы активистов в новосибирском Академгородке. Такая квазипрофессиональность может порождать неравенство в том, как представлены различные территории в процессах оспаривания градостроительной политики. Так, группа новосибирских исследователей с помощью метода компьютерного картографирования городских конфликтов обнаружила закономерность: чем выше цена за квадратный метр в том или ином районе города, тем чаще там наблюдаются городские конфликты (в частности, в новосибирском Академгородке одни из самых высоких цен на недвижимость) [Скалабан 2021]. Иными словами, имеет место неравенство возможностей в отстаивании интересов: жители одних районов могут перекладывать издержки градостроительной политики на жителей других районов, например, путем переноса строительства или отмены инвестиционных проектов, в которых заинтересованы жители более бедных районов.

На *рисунке 1* визуализирована общая динамика конфликтов в Новосибирске, связанных с оспариванием городского пространства.

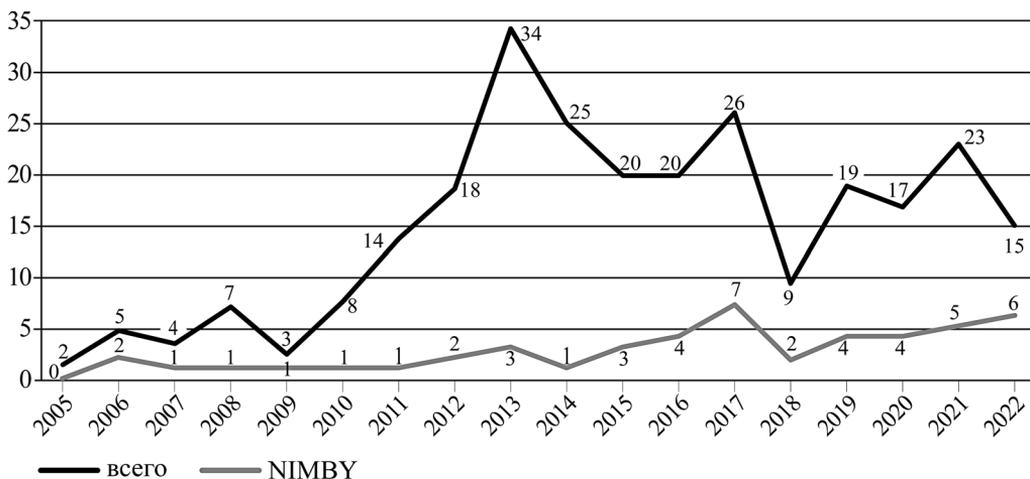

Рисунок 1. Количество конфликтных кейсов из категории NIMBY на фоне общего количества конфликтов, зафиксированных в каждом году, Новосибирск

Учитывая сказанное выше, мы можем констатировать, что в российских городах сложились благоприятные условия для феномена NIMBY. Гражданские активисты уже давно не являются «слабым звеном» в городских конфликтах, а потому их деятельность следует рассматривать в более широком контексте общих интересов, то есть интересов всех жителей того или иного города, и этот тезис подтверждается результатами количественного исследования.

Следует отметить стремительный рост количества актуальных конфликтных кейсов в Новосибирске в период с 2010 по 2013 г., который можно связать с «неолиберальными машинами роста», когда город возглавлял В.Ф. Городецкий. После прихода на пост мэра А.Е. Локтя городская администрация начала активно выступать на стороне городских активистов против застройщиков, что постепенно снизило количество конфликтных кейсов. Однако это не оказало почти никакого влияния на NIMBY-конфликты. Обратим внимание, что доля последних является значительной, особенно в последние 6–7 лет – до 1/3 всех от всех актуальных конфликтов.

Среди кейсов NIMBY в Новосибирске можно выделить следующие:

- борьба жителей Академгородка против строительства корпуса НГУ (2006–2011 гг.) и технопарка (2006–2008 гг.);
- протест в Академгородке против передачи клинике им. Е.Н. Мешалкина 5 га леса под строительство медицинского технопарка (2016 г.);
- протест жителей ЖК «Тихая гавань» против стройки моста до площади Калинина через их двор (нежелание видеть на своей территории соседей из хрущевок) (2016 г.);
- протест жителей микрорайона Нижняя Ельцовка и Академгородка против строительства рядом с ними Восточного обхода (2017 г.);
- протест жителей ул. Ленина (тихого центра) против превращения ее в пешеходную (2017 г.);
- протест против строительства Ледового дворца спорта рядом с Обью на левом берегу (2018–2019 г.);
- протест против движения грузового транспорта по ул. Народной (2019 г.);
- протест жителей элитного ЖК «Кедровый» против застройщика компании «Скандия.Новосибирск», которая хотела построить рядом квартал с домами в 6, 8, 14, этажей (2020 г.)¹⁶;
- конфликт сторонников и противников строительства спорткомплекса на Шлюзе рядом с ЖК «Балтийский» в Советском районе Новосибирска (2020 г.);
- конфликт из-за снятия сервитута на освобождение дороги между домами по ул. А. Лежена, д. 26/2 и ул. А. Лежена, д. 30, где установили забор, перекрыв востребованную жителями дорогу (2021 г.);
- протест жителей ЖК «Гринарт» возле парка «Березовая роща» против местных властей и соседнего МКУ «Дзержинка» из-за сервитута на проезд через их дворы грузовых машин (2022 г.);
- протест жителей коттеджного поселка (дома на окраине Кировского района) против машин, доставляющих стройматериалы для нового ЖК «Вознесенский» (2022 г.).

Отметим, что NIMBY-конфликты не обязательно являются бескомпромиссными. Нередко их удается разрешить путем переноса места для строительства или посредством других изменений в проектах городского развития. Однако

¹⁶ Мы отнесли данный конфликт к категории NIMBY, так как местные жители протестовали против строительства целого квартала просто потому, что не хотели нахождения рядом многоквартирных домов.

в большинстве случаев такие компромиссы дорого обходятся инвесторам или порождают новые проблемы общественного характера. Так, наши интервью с экологическими активистами в новосибирском Академгородке позволяют сделать вывод о бескомпромиссном характере их борьбы: для них буквально несколько деревьев или факт произрастания на той или иной территории краснокнижных растений являются основанием для противодействия любым стройкам. И это не скрывается: например, активист Наталья Шамина, выступая на митинге в октябре 2017 г., напомнила о планах строительства клинико-диагностического корпуса НГУ и отметила, что Академгородку не нужны медицинские, диагностические и другие бизнес-проекты¹⁷. В 2013 г. активисты добились придания Академгородку статуса культурного наследия. Некоторые эксперты в связи с этим замечают, что такой статус фактически блокирует строительство на большей части Академгородка, так как создает огромное количество бюрократических издержек.

«Академгородок – логово ученых. Они на своей волне, в возрасте либо молодые айтишники, но с некоторой стороны – совок» (политтехнолог, Новосибирск).

«Тамошние активисты – “экстремисты”. Будут бороться за любой клен, даже если это сорное дерево» (представитель академического сообщества, Новосибирск).

«Академгородок не развивается. В этом плане охранительные сообщества – консерватизм против развития. Это поколенческий конфликт. Академики подталкивают конфликты, не дают развивать район. Академгородок – важная точка роста, а расти не дают. Были федеральные деньги – 5 млрд руб. – но деревья оказались важнее. В итоге тоже все заморожено» (представитель городской администрации, Новосибирск).

В 2016 г. возникла конфликтная ситуация из-за планов построить ПЭТ-центр (центр позитронно-эмиссионной томографии) для раннего выявления онкозаболеваний и два научно-производственных корпуса медицинского технопарка «Зеленая долина» в Шлюзовском бору (место было одобрено на публичных слушаниях и горсоветом). Из-за протестов активистов из Академгородка стройку передвинули в другое место, не отнесенное к категории городских лесов. Однако активисты выступали за передачу под охрану государства и нового участка¹⁸. В итоге многомиллиардный проект, подразумевавший высокотехнологическую медицинскую помощь для тысяч людей (предполагались инвестиции в высокотехнологичные методы лечения в области сердечно-сосудистой хирургии, трансплантации сердца, онкологии и нейрохирургии), был заблокирован (сегодня, правда, речь вновь идет о возобновлении проекта¹⁹)²⁰.

¹⁷ Полякова Е. (2017) Защитить лес от экологов: в Академгородке прошел митинг против новых жилых домов // НГС. 29 октября 2017 // <https://ngs.ru/text/gorod/2017/10/29/51423521/>, дата обращения 25.11.2023.

¹⁸ Белов Ю. (2016) «Зеленая долина» меняет очертания // Коммерсантъ. 12 февраля 2016 // <https://www.kommersant.ru/doc/2913596>, дата обращения 25.11.2023.

¹⁹ Семь новых корпусов построят клиника Мешалкина к 2029 году в Новосибирске (2023) // BFM.ru. 7 сентября 2023 // <https://finance.rambler.ru/realty/51374464-v-novosibirskе-klinika-meshalkina-postroit-sem-novyh-korpusov-k-2029-godu/>, дата обращения 25.11.2023.

²⁰ Клиника Мешалкина вновь продвигает инновационно-производственный кластер // Индустриальные парки и технопарки России // <https://russiaindustrialpark.ru/news/klinika-meshalkina-vnov-prodvigaet-innovacionno-proizvodstvennyy-klaster>, дата обращения 25.11.2023.

Иркутск продемонстрировал большую распространенность феномена NIMBY (рисунок 2). Например, из кейсов 2017 г. больше половины мы отнесли к категории NIMBY-конфликтов. Среди подобного рода конфликтов выделим следующие:

- протест в микрорайоне «Солнечном» против строительства муниципального детского сада на одном из пустырей (2012 г.);
- протест против строительства слишком большого детского сада в ЖК «Березовый» (из-за привлечения «лишних» людей) (2014 г.);
- конфликт из-за внесенных изменений в генплан (владельцы СТО протестовали против перевода их земель под социальные проекты) (2015 г.);
- протест в микрорайоне «Солнечном» против запланированного мэрией переноса на ул. Байкальскую несанкционированного рынка, расположенного у дома № 1 на проспекте Жукова (2016 г.);
- протест жителей района «Селиваниха» против внесения изменений в генплан Иркутска, запрещающих капитальное строительство (перевод из садоводческих земель в огороднические) (2017 г.);
- протест жителей 15 домов в районе остановки «Управление ГЭС» против их сноса и включения в программу развития застроенных территорий (2017 г.);
- протест против строительства туберкулезного диспансера в микрорайоне «Синюшина гора» (в роще, на месте ветхой туберкулезной больницы) (2017 г. – настоящее время);
- протест владельцев киосков, портящих внешний вид города, против их сноса (2019 г.).

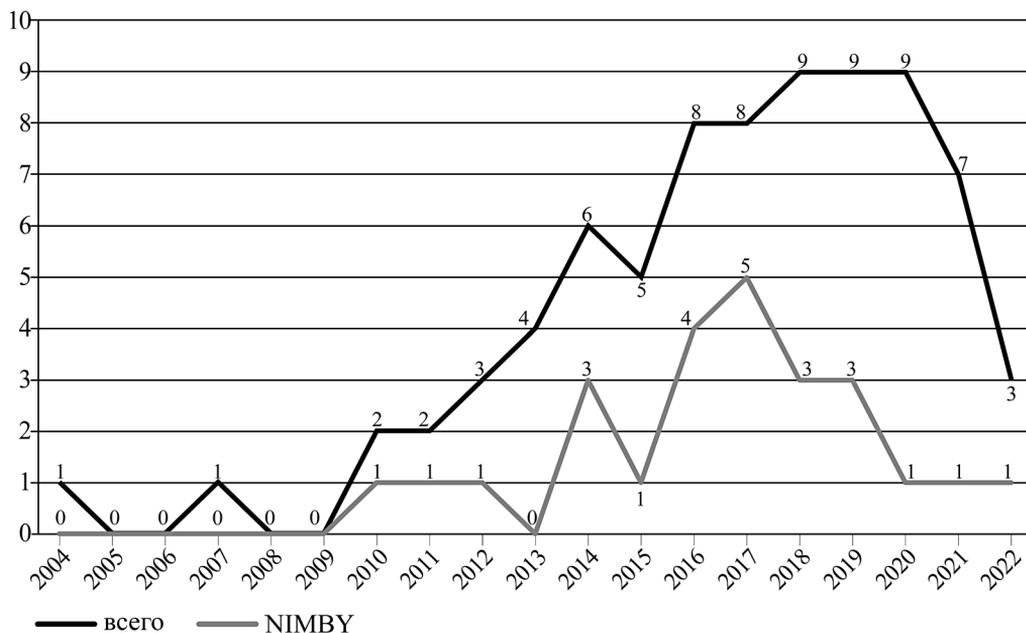

Рисунок 2. Количество конфликтных кейсов из категории NIMBY на фоне общего количества конфликтов, зафиксированных в каждом году, Иркутск

Некоторые протесты также можно было бы отнести к феномену NIMBY, но мы от этого отказались, поскольку ситуация в данных случаях представляется неоднозначной: примером может служить протест против строительства православного храма в небольшой роще в Приморском районе (2021 г. – настоящее время).

По нашим наблюдениям, протест против строительства общественных/социальных сооружений имеет большие шансы на успех, чем недовольство застройкой жилыми зданиями. Данная гипотеза требует отдельной проверки и верификации количественными и качественными методами, однако, касаясь указанных иркутских кейсов, можно допустить, что такой успех обязан двум причинам. Во-первых, ущерб от строительства общественных сооружений может оцениваться жителями как существенно более ощутимый, чем строительство обычного жилого здания (можно предположить, что жители микрорайона «Синюшина гора» протестовали бы против строительства обычной высотки с куда меньшим энтузиазмом, чем против строительства тубдиспансера). Во-вторых, строительство общественных зданий в ущерб интересам жителей вызывает заметный резонанс, и у него гораздо больше шансов получить статус общегородского конфликта. Это хорошо показывает кейс со строительством храма, получивший серьезную огласку в СМИ.

Среди всех NIMBY-конфликтов в Иркутске выделяется так и не разрешившийся инцидент с тубдиспансером. Экспертами отмечалась насущная проблема, связанная с острой нехваткой мест для лечения туберкулеза в городе, но жители заняли бескомпромиссную позицию, аргументируя ее страхом перед распространением этого заболевания²¹. В 2020–2021 гг. было предложено разместить больницу в Парфеновке, но жители этого поселка проголосовали против изменения генплана и размещения тубдиспансера, поэтому Минздрав вынужден был вернуться к идее его строительства в микрорайоне «Синюшина гора». Слухи о подготовке к строительству медучреждения в роще появились в конце мая – начале июня 2022 г., тогда жители микрорайона снова начали сбор подписей «против». В 2019 г., когда вопрос строительства тубдиспансера обсуждался в Заксобрании региона, Олег Ярошенко, занимавший тогда пост министра здравоохранения, заявлял, что другой площадки, кроме микрорайона «Синюшина гора», под медучреждение в городе нет, а руководитель областного Управления капитального строительства Евгений Харитонов (сейчас он руководит комитетом по градостроительной политике в мэрии) уточнял, что поиск и подготовка нового участка могут занять два года. Однако в сентябре 2022 г. Минздрав настоял на том, что тубдиспансер должен быть построен в микрорайоне «Синюшина гора», так как других площадок нет. В качестве компромисса ведомство предложило оставить в этом микрорайоне только стационар, а поликлинику перенести на ул. Терешковой²². В настоящее время конфликт все еще находится в горячей стадии. Хотя эксперты-медики, компетентные в этом вопросе, утверждают, что никаких рисков распространения инфекции нет, что расположение тубдиспансеров в подобного рода местах – это распространенная мировая практика, жители все еще активно противостоят проекту,

²¹ Отметим также, что в районе предполагаемого строительства диспансера находятся областная инфекционная больница, а вблизи – исправительно-трудовая колония. Это также служило дополнительным фактором обострения конфликта.

²² Кашпарова А. (2023) Власти Приангарья ищут подрядчика на проектирование тубдиспансера на Синюшке. Жители микрорайона выступали резко против // ИрСити. 10 августа 2023 // <https://ircity.ru/text/society/2023/08/10/72584273/>, дата обращения 25.11.2023.

что уже обостряет серьезную социальную проблему – нехватку мест для лечения больных туберкулезом.

«Территория не огорожена. Хотят огородить, но по закону это сложно сделать. Конфликт законов. Реально у жителей есть страх, пострадают леса, а деревья реликтовые. Конфликт заморожен, но его поднимают на заседаниях. Проблема в роще, где планировалось поставить, и техническом размещении» (журналист, Иркутск).
«Жителей ввели в заблуждение; один из кандидатов ввел в заблуждение. Их запугивали. Были выделены деньги – 2 млрд, регион потерял эти деньги. На другом участке только на сети нужно 2 млрд. Вернулись к этому участку, а народ возбужденный, все еще протестует. Главный вопрос [строительства – прим. авторов] – вопрос денег. Только на сети нужно 4–5 лет, плюс на проект, плюс на строительство. А действующий диспансер закрывают уже сейчас» (депутат Городской думы, Иркутск).

Заключение

Сегодня среди отечественных исследователей городских (градостроительных) конфликтов превалирует точка зрения, согласно которой основными сторонами таких конфликтов являются, с одной стороны, коалиции застройщиков и представителей местных администраций («неолиберальные машины роста»), а с другой, местные жители, чьи интересы постоянно недоучитываются или вовсе игнорируются, и чьи ресурсы не позволяют эффективно противостоять своим оппонентам. Как мы попытались показать в настоящей статье, данный подход упрощает реальность. За последние 10–20 лет «поля» городских конфликтов сильно изменились: городские активисты теперь не являются «слабым звеном». Более того, зачастую 10–15 чел. могут останавливать многомиллиардные проекты развития. В каких-то случаях ситуация преобразуется диаметрально противоположным образом, и теперь уже представители власти и частные инвесторы оказываются уязвимыми перед прокуратурой, Следственным комитетом и прочими агентами, выступающими на стороне активистов ради политической «тишины». Такая атмосфера благоприятствует феномену NIMBY, который в России пока еще почти не исследован. На примере Новосибирска и Иркутска мы продемонстрировали, что протесты, которые организуют акторы, придерживающиеся принципа «лишь бы не на моем заднем дворе», происходят достаточно часто и могут создавать ситуации, влекущие за собой весомые общественные издержки. Это означает, что необходимо, как минимум, внимательнее относиться к феномену NIMBY при исследовании градостроительных конфликтов и разработке соответствующей политики. В некоторых случаях преобладающие среди исследователей рецепты разрешения конфликтов, подразумевающие максимальное вовлечение в городскую политику различного рода активистов, будут способствовать разрешению одних протестных ситуаций ценой создания новых социальных проблем. Поэтому при разрешении тех или иных конфликтных ситуаций, возможно, требуются изучение и тщательное соизмерение запросов различных сообществ и заинтересованных сторон (или городского сообщества как такового), а не только наиболее активных жителей, чья позиция далеко не всегда репрезентирует точку зрения всех горожан.

Список источников

- Антонова Н.Л., Абрамова С.Б., Полякова В.В. (2020) Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 3. С. 443–462. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1597
- Бедерсон В.Д., Шевцова И.К. (2020) Коалиции в обмен на лояльность? Отношения власти и строительного бизнеса в крупных российских городах на примерах Перми и Екатеринбурга // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. № 4 (99). С. 153–175. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-153-175
- Верещагина Е.И. (2021) Соучаствующее проектирование: особенности подхода в России // Городские исследования и практики. Т.6. № 2. С. 7–25. DOI: 10.17323/usp6220217-25
- Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. (2017) Политико-институциональные и коммуникативные аспекты взаимодействия субъектов городских конфликтов (по материалам экспертного опроса) // Человек. Сообщество. Управление. Т. 18. № 4. С. 44–65 // <https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-institutsionalnye-i-kommunikativnye-aspekty-vzaimodeystviya-subektov-gorodskih-konfliktov-po-materialam-ekspertnogo-oprosa/viewer>, дата обращения 12.12.2023.
- Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. (2021) Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 2. С. 239–252. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252
- Делленбо М. и др. (ред.) (2020) Urban Commons. Городские сообщества за пределами государства и рынка. М.: НЛО.
- Желнина А.А., Тыканова Е.В. (2019) Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 22. № 1. С. 162–192 // http://jourssa.ru/files/volumes/2019_1/Zhelnina_Tykanova_2019_1.pdf, дата обращения 12.12.2023.
- Медведев И.Р. (2017) Разрешение городских конфликтов. М.: Инфотропик Медиа.
- Семенов А. (2018) Событийный анализ протестов как инструмент изучения политической мобилизации // Социологическое обозрение. Т. 17. № 2. С. 317–341. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-317-341
- Семенов А.В., Гилева А.И. (2022) Российские инструменты городского планирования в перспективе социологического институционализма // Экономическая социология. Т. 23. № 4. С. 73–95. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-4-73-95
- Семенов А.В., Минаева Э.Ю. (2021) Города расходящихся улиц: развитие городских конфликтов в России 2010-х // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 2. С. 189–204. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204
- Скалабан И.А. (2021) Инструменты анализа сообществ в городских конфликтах (на примере г. Новосибирска) // Caucasian Science Bridge. Т. 4. № 4(14). С. 138–142. DOI: 10.18522/2658-5820.2021.4.18
- Скалабан И.А., Сергеева З.Н., Лобанов Ю.С. (2022) Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска) // Мир России. Т. 31. № 4. С. 33–56. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56
- Тимошкин Д. (2022) Памятник vs ветхость: как городские сообщества используют маркеры прошлого в борьбе за «право на город» в Иркутске // Социологическое обозрение. Т. 21. № 3. С. 155–173. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-3-155-173
- Тыканова Е.В., Хохлова А.М. (2015) Городской политической режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // Журнал исследований социальной политики. Т. 13. № 2. С. 241–256 // <https://jsps.hse.ru/article/view/3328/2896>, дата обращения 12.12.2023.
- Харви Д. (2008) Право на город // Логос. Т. 3. № 66. С. 80–94.

- Шохина А. (2021) Институциональная организация коллаборативного планирования в Канаде: механизмы вовлечения при подготовке мастер-плана Ванкувера // Городские исследования и практики. Т. 6. № 3. С. 53–65. DOI: 10.17323/usp63202153-65
- De Benedictis-Kessner J., Hankinson M. (2019) Concentrated Burdens: How Self-interest and Partisanship Shape Opinion on Opioid Treatment Policy // American Political Science Review, vol. 113, no 4, pp. 1078–1084. DOI: 10.1017/S0003055419000443
- Foster D., Warren J. (2021) The NIMBY Problem // Journal of Theoretical Politics, vol. 34, no 1. DOI: 10.1177/09516298211044852
- Glaeser E., Gyourko J. (2018) The Economic Implications of Housing Supply // Journal of Economic Perspectives, vol. 32, no 1, pp. 3–30. DOI: 10.1257/jep.32.1.3
- Hsieh C.-T., Moretti E. (2019) Housing Constraints and Spatial Misallocation // American Economic Journal: Macroeconomics, vol. 11, no 2, pp. 1–39. DOI: 10.1257/mac.20170388
- Lefebvre H. (1991) The Production of Space, Oxford: Blackwell.
- Shellenberger M. (2021) San Fransicko: Why Progressives Ruin Cities, New York: Harper.
- Stokes L.C. (2016) Electoral Backlash against Climate Policy: A Natural Experiment on Retrospective Voting and Local Resistance to Public Policy // American Journal of Political Science, vol. 60, no 4, pp. 958–974. DOI: 10.1111/ajps.12220

Urban Conflicts in Russia: Between the “Right to the City” and NIMBY in Irkutsk and Novosibirsk

A.B. BELOUSOV*, D.A. DAVYDOV**

***Alexandr B. Belousov** – PhD in Politics, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Science, Yekaterinburg, Russian Federation, ektb@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0082-909X>

****Dmitriy A. Davydov** – PhD in Politics, Senior Researcher, Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Science, Yekaterinburg, Russian Federation, davydovdmitriy90@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>

Citation: Belousov A.B., Davydov D.A. (2024) Urban Conflicts in Russia: Between the “Right to the City” and NIMBY in Irkutsk and Novosibirsk. *Mir Rossii*, vol. 33, no 3, pp. 99–117 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-99-117

Abstract

This article explores the NIMBY (Not In My BackYard) phenomenon in urban planning conflicts in Novosibirsk and Irkutsk. It focuses on residents’ resistance to construction or other changes to infrastructure near their homes. In Western science, NIMBYism is typically viewed as a negative phenomenon that hinders territorial development or leads to adverse social outcomes, such as obstacles to building affordable housing, roads, social infrastructure, and green energy projects. The NIMBY phenomenon has been scarcely studied in Russia. The prevalent approach views

This article was prepared as part of the work on the RNF project № 23-28-01828 “Urban conflicts and strategies for maintaining social harmony: comparative analysis”.

The article was published as part of the HSE University project “University Partnership”, to support publications by authors of Russian educational and scientific organizations.

The article was received in November 2023.

urban activists as opposing stronger coalitions of city authorities and developers. Under this approach, the interests of local residents are seen as systematically compromised or outright ignored in urban planning. However, using data from expert interviews (N=40) and qualitative and quantitative event analysis of media sources reconstructing the history of urban conflicts in the cities over the last 18 years, it has been shown that civic activists are not always the “weakest link”. They may be supported by representatives of the city administration and other influential agents including governors, prosecutors, the Investigative Committee, and the Presidential Administration. In such circumstances, small groups of activists can halt not only commercial developments but also socially significant non-commercial projects. The article concludes that the interests of a wide range of stakeholders must be considered, as NIMBYism significantly complicates the reaching of a compromise in conflict resolution.

Keywords: urban conflicts, NIMBY, right to the city, protests, civil society, urban communities

References

- Antonova N.L., Abramova S.B., Polyakova V.V. (2020) The Right to the City: Daily Practices of Youth and Participation in the Production of Urban Space. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, no 3, pp. 443–462 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1597
- Bederson V.D., Shevtsova I.K. (2020) Coalitions in Exchange for Loyalty? Relationships between Government and Construction Business in Large Russian Cities Cases of Perm and Yekaterinburg. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, vol. 4, no 99, pp. 153–175 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-153-175
- De Benedictis-Kessner J., Hankinson M. (2019) Concentrated Burdens: How Self-interest and Partisanship Shape Opinion on Opioid Treatment Policy. *American Political Science Review*, vol. 113, no 4, pp. 1078–1084. DOI: 10.1017/S0003055419000443
- Dellenbaugh M. et al. (eds.) (2020) *Urban Commons. Moving Beyond State and Market*, Moscow: New Literary Review (in Russian).
- Foster D., Warren J. (2021) The NIMBY Problem. *Journal of Theoretical Politics*, vol. 34, no 1. DOI: 10.1177/09516298211044852
- Glaeser E., Gyourko J. (2018) The Economic Implications of Housing Supply. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 32, no 1, pp. 3–30. DOI: 10.1257/jep.32.1.3
- Glukhova A.V., Kolba A.I., Sokolov A.V. (2017) Political-institutional and Communicative Aspects of Interaction of Subjects of Urban Conflicts (Based on Expert Survey). *Human. Community. Management*, vol. 18, no 4, pp. 44–65. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-institutsionalnye-i-kommunikativnye-aspekty-vzaimodeystviya-subektov-gorodskih-konfliktov-po-materialam-ekspertnogo-oprosaviewer>, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Glukhova A.V., Kolba A.I., Sokolov A.V. (2021) Strategies of Urban Communities in Conflict Processes (A Case Study of Russia’s Large Regional Centers). *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 19, no 2, pp. 239–252 (in Russian). DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252
- Harvey D. (2008) The Right to the City. *Logos*, vol. 3, no 66, pp. 80–94 (in Russian).
- Hsieh C.-T., Moretti E. (2019) Housing Constraints and Spatial Misallocation. *American Economic Journal: Macroeconomics*, vol. 11, no 2, pp. 1–39. DOI: 10.1257/mac.20170388
- Lefebvre H. (1991) *The Production of Space*, Oxford: Blackwell.
- Medvedev I.R. (2017) *Urban Conflict Resolution*, Moscow: Infotropik Media (in Russian).

- Semenov A. (2018) Protest Event Analysis as a Tool for Political Mobilization Studies. *Russian Sociological Review*, vol. 17, no 2, pp. 317–341 (in Russian). DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-317-341
- Semenov A.V., Gileva A.I. (2022) Russian Instruments of Urban Planning from the Sociological Institutionalism Perspective. *Journal of Economic Sociology*, vol. 23, no 4, pp. 73–95 (in Russian). DOI: 10.17323/1726-3247-2022-4-73-95
- Semenov A.V., Minaeva E.Yu. (2021) The Cities of Forking Streets: Trajectories of Urban Conflicts in Russia. *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 19, no 2, pp. 189–204 (in Russian). DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204
- Shellenberger M. (2021) *San Fransicko: Why Progressives Ruin Cities*, New York: Harper.
- Shokhina A. (2021) The Institutional Framework of Collaborative Planning in Canada: Engagement Practices in the Vancouver Master-plan Development. *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 3, pp. 53–65 (in Russian). DOI: 10.17323/usp63202153-65
- Skalaban I.A. (2021) Community Analysis Tools in Urban Conflicts (on the Example of Novosibirsk). *Caucasian Science Bridge*, vol. 4, no 4(14), pp. 138–142 (in Russian). DOI: 10.18522/2658-5820.2021.4.18
- Skalaban I.A., Sergeeva Z.N., Lobanov Y.S. (2022) The Defendants. The Defensive Functions of Communities in Urban Conflict (Based on a Case Study in Novosibirsk). *The Universe of Russia*, vol. 31, no 4, pp. 33–56 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56
- Stokes L.C. (2016) Electoral Backlash against Climate Policy: A Natural Experiment on Retrospective Voting and Local Resistance to Public Policy. *American Journal of Political Science*, vol. 60, no 4, pp. 958–974. DOI: 10.1111/ajps.12220
- Timoshkin D. (2022) “Monument” Versus “Dilapidation”: The Discursive Marking of Local History as a Factor of the “Production of Space” in Siberian Cities (in the Example of Irkutsk). *Russian Sociological Review*, vol. 21, no 2, pp. 155–173 (in Russian). DOI: 10.17323/1728-192x-2022-3-155-173
- Tykanova E.V., Khokhlova A.M. (2015) The Urban Political Regime in St. Petersburg: The Role of Real and Imagined “Growth Machines” in the Struggle for Urban Space. *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 13, no 2, pp. 241–256. Available at: <https://jsps.hse.ru/article/view/3328/2896>, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Vereshchagina E.I. (2021) Participatory Design: Features of the Approach in Russia. *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 2, pp. 7–25 (in Russian). DOI: 10.17323/usp6220217-25
- Zhel'nina A.A., Tykanova E.V. (2019) Formal and Informal Civic Infrastructure: Contemporary Studies of Urban Local Activism in Russia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 22, no 1, pp. 162–192. Available at: http://jourssa.ru/files/volumes/2019_1/Zhel'nina_Tykanova_2019_1.pdf, accessed 12.12.2023 (in Russian).